

ПОДВИГ И ДОЛГ

О ЧЕРК

Впервые об этом человеке я узнал в прошлом году из газет. Из газет же узнал и о его приезде в Брест на торжества, посвященные 950-летию города.

Встретились мы с ним ранним майским утром в номере гостиницы «Буг» и просидели за столом, на котором всего-то убранства было одна пепельница, а в ней заметная растущая горка окурков — Николай Давыдович заядлый курильщик — до обеда...

Всего лишь за неделю до встречи исполком Брестского городского Совета депутатов трудящихся присвоил Герою Советского Союза Николаю Давыдовичу Свиначуку звание почетного гражданина Бреста. Нет, в нашем городе он не жет — приехал на торжества из небольшого шахтерского городка Ленгер, что в Чимкентской области.

В трудной памяти бывшего солдата всплывают обрывочные воспоминания двадцатипятилетней давности, когда он со своим взводом в последний раз прошел по брусчатке брестских мостовых меж задымленных пожарами развалин. И вот вторая встреча с пограничным городом.

Но и до первой встречи с Ерестом Николаем Давыдовичем было пройдено немало фронтовых солдатских дорог, да, пожалуй, и не только солдатских...

Отца Николай Давыдович не помнит вовсе. Беда пришла в семью, когда ему едва за пять минуло. Отец работал на железной дороге кондуктором и где-то на далеком полустанке по неосторожности его на смерть разбило вагонными буферами. Жили тогда в Узбекистане, на станции Голодная Степь (теперь Гулистан). Жили впроголодь: начало двадцатых годов было нелегким для всей страны, а тут еще и без кормильца семья, когда самому старшему десять, а всего малышей на материнских руках шестеро осталось. Школу пришлось оставить, чтобы как-то помогать матери.

Я смотрю на крупные, очень большие, огрубевшие в долгом труде руки и представляю себе, сколько нужной работы переделано этими руками.

Кем только не пришлось работать Николаю Давыдовичу еще задолго до призыва в армию! Убирал в колхозе клевер и хлопок, присматривал за лошадьми, трудился на узкоколейке, выучился на кино-механика и изъездил со своей кинопередвижкой все колхозы района. Снова вернулся рабочим на железную дорогу, откуда в 1940 году и в армию проводили.

Нет, я ни на минуту не сомневаюсь, что, может, и нелегкий, но как поучительный и воспитывающий тот труд выковал из молодого парня настоящего рабочего человека, выковал стойкого, мужественного и смелого солдата. Может, и заметили задатки этих качеств в молодом новобранце первые его командиры, потому что сразу и определили Николая в разведроту 10-го мотомеханизированного полка, что в полдень 22-го июня у самой западной границы всту-

пил в первый бой с фашистами.

В тот памятный день впервые и в разведку ходил. А потом все бои и бои, горестные дороги потерь и вынужденного отступления. Под Одессой, в рыжых, прокаленных войною и солнцем степях, Николай Давыдович был ранен, но все равно остался в строю и все с той же ротой дено и ночью отбивался от яростно наседавшего врага на измотанных вконец беспрерывными кровопролитными боями и переходами полк.

...Трудная военная осень 42-го памятна всем и уж конечно памятна Николаю Свиначуку — солдату самой опасной фронтовой профессии — разведчику, что каждый день там, за перепаханной взрывами, истерзанной «ничейной» землей разил фашистов в их же окопах и блиндажах. Помнит и фашистские засады в ту позднюю морозную осень, когда мужеством и смекалкой победил врага в неравном единоборстве: сжег два немецких транспортера, а сам, перехитрив немцев, остался цел и невредим. И только потом, когда вышли из боя, заметил Николай, что пулеметная очередь прошла вешмешок за плечами, да шапку-ушанку...

Кто был на фронте, тому ведомо, что каждый выход разведчика в бой, — это свидание со смертью. В свои лучшие юношеские годы Николай Свиначук, не задумываясь, без тени страха, профессионально уверенно ходил на эти свидания, и перед грозным мужеством советского солдата смерть отступала.

В конце 43-го Николай Свиначук уже старший сержант, в мае 44-го, за год до победы, член КПСС. Было это уже на белорусской земле, когда Николай Давыдович воевал в составе 415-го полка 1-й стрелковой дивизии 70 армии 1-го Белорусского фронта, которым командовал прославленный полководец К. К. Рокоссовский.

...Это было под Брестом. В жаркий полдень 26 июля 1944 года стрелковый батальон форсировал приток Буга и, ведя тяжелый бой, вырвался в оборону окруженной группировки противника. Вдруг тяжело ранило командира взвода. Немешка ни минуты, Николай тут же принял командование взводом и увлек за собой в атаку товарищей. Только в этом бою старший сержант Николай Свиначук уничтожил из своего автомата 50 вражеских солдат.

Да, коммунист Свиначук воевал умело, воевал мужественно и, я бы сказал, лихо. И три суровых фронтовых года по нелегким дорогам войны, от атаки к атаке, от боя к бою были тем огненным преддверием подвига, к которому уже подходил Николай Свиначук.

А все было обнаженно правдоподобно, как на войне, по-человечески страшно, как на войне, и смертельно рискованно и опасно, как на войне.

Застоявшийся зной, казалось, расплавил само небо, испепелил израненную землю. Фашистские войска, окруженные под Брестом, предпринимали отчаянные попытки вырваться из кольца, и поэтому бои были на редкость упорными и кровопролитными. Подразделение, которым командовал Николай Свиначук, получило приказ перерезать последнюю артерию — шоссе Брест—Варшава, связывавшую окруженных немцев со своими тылами. Командование окруженной немецкой группировки, понимая отчаянность своего положения, беспрерывно атаковало горстку храбрецов, пытаясь во что бы то ни стало выйти на шоссе. Восемь раз коммунист старший сержант Николай Давыдович Свиначук поднимал бойцов в контратаку.

Восьмая атака была самой жестокой.

— Это был действительно трудный бой, — вспоминает Николай Давыдович, — пьяные фашисты, строча из автоматов и пулеметов, во весь рост двинулись на нас.

В этом тяжелом неравном бою победителем вышли бойцы Николая Свиначука. Более 150 фашистов нашли себе могилу на том горячем клочке земли под Брестом. Приказ командования был выполнен. Враг не прошел! Но тяжелые потери понес и взвод: в живых осталось лишь восемь бойцов. Каждый из восьми был награжден орденом Ленина. А взводный, сержант Николай Давыдович Свиначук, за личное мужество, умелое руководство боем удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

— Подвиг? — будто себя спрашивает и тут же отвечает Николай Давыдович, — Я был молод тогда. За плечами — опыт мужания и фронтовой зрелости, в кармане гимнастерки — партийный билет, в сердце — ненависть к врагу и чувство высокого долга перед тем партибилетом и познавшей немало бед Родиной. По-моему, подвиг — это прежде всего долг...

В рассказе Николая Давыдовича не случайно часто слышалось вовсе не нарочитое слово «долг». Он свято исполнял свой солдатский, а сейчас исполняет гражданский долг. Последний год войны — это все те же боевые походы и те же опасные поединки с коварным врагом, отчаянные рейды по тылам противника и смертельные рукопашные схватки груды в груды с гитлеровцами в тесных вражеских траншеях.

Последний год войны — это и свежие раны, и роспись на стене поверженного рейхстага («дошел и я до Берлина») и, конечно, новые заслуженные награды: к ордену Ленина и двум орденам Славы прибавилось еще два: Красного Знамени и Красной Звезды.

Мужественный, мирной сегодня профессии человек, отбойщик шахты «Тогуч-1», носит в себе не только остывшую пулю и колючие осколки — жестокие отметины войны, но и память пережитого.

И. ЗАТУЛЬСКИЙ.

Июль, 1970 г.